

Главарь ясно ощущал, как древесная заноза впивается ему в шею; шершавые края уже прокололи кожу, и боль была отчётливой. Силы у Е Нина было немного, но острота заноз, помноженная на точный, выверенный приём, сделала своё дело: кожа на шее вдавилась, по краю выступили крошечные капли крови.

Охранник дрожал, как в лихорадке, но всё ещё упрямо тянул шею:

— Да ты что... ты, всего лишь гер... ещё и свиней резать собрался? Вам, герам, разве что знать, как свиноматки пороятся!

Всего лишь гер, да разве он осмелится убить человека! Охрана семьи Чжоу привыкла хозяйничать в Цинтяне, как псы, полагающиеся на силу хозяев. Обычно они лишь запугивали, отбирали мелочи, никогда не видели настоящей крови и тем более не сталкивались с убийством. Потому и не верили, что этот на вид хрупкий гер способен на что-то серьёзное.

Услышав пренебрежение, Е Нин тихо усмехнулся. Он не стал спорить. Деревянная ножка в его руке вдруг изменила направление и медленно, почти ласково, скользнула вниз от шеи главаря.

Глаза охранника заметались, следуя за движением. Шершавый край прошёл по горлу, по груди и спустился ниже, к животу. По коже побежали мурашки, в груди вспыхнуло странное, горячее чувство: ему показалось, что Е Нин испугался, что он всё-таки всего лишь гер и теперь пытается его заигрывать.

Охранник уже собирался хохотнуть, но ножка стула с занозами остановилась у самого паха.

Е Нин размеренно сказал:

— Здесь проходит крупная артерия. Если вот так вот ткнуть - крови будет больше всего, не спасти. Умрёшь даже быстрее, чем если резать по горлу. Не веришь? Давай... попробуем?

В следующий миг то тёплое, распущенное чувство сменилось ледяным холодом в затылке.

— Ты... ты не посмеешь... а-а-а!!

Крик стал пронзительным: охранник отчётливо ощутил, что Е Нин действительно подал деревяшку вперёд. Он заорал, и остальные охранники закричали вместе с ним; двоюродный брат Чжан Чжюань, решив, что сейчас и впрямь кого-то убивают, тоже закричал. Крохотное пространство маленькой лапшичной, где и развернуться было негде, в одно мгновение наполнилось оглушающими, беспорядочными воплями.

Тук-тук.

Кто-то постучал - звук донёлся из паланкина и разом оборвал накатывающие друг на друга, всё более истошные крики.

Бух!

Главарь охраны обмяк и рухнул на землю. Не от потери крови - Е Нин лишь припугнул его, но тот оказался совершенно не стойким: ноги подкосились, и он свалился, как побитый щенок, зря только рос таким здоровенным и грубым на вид.

Глаза охранника закатились, лицо покрылось холодным потом, губы посинели, всё тело трясло мелкой дрожью. Е Нин легко прокрутил в пальцах ножку стула и сказал:

— Будь добр, двоюродный брат, принеси кисть и бумагу.

Чжан Чжиюань всё ещё стоял ошеломлённый, но, услышав слова Е Нина, наконец пришёл в себя. Он не понимал, зачем нужны письменные принадлежности, однако как настоящий учёный всегда носил с собой книжную корзинку - кисти, тушь, бумага и камень для растирания у него были при себе. Он тут же сноровисто достал всё и разложил на деревянном столе, густо покрытом пылью.

— Е Нин... что... что писать?

Е Нин холодно посмотрел на главаря охраны, у которого от страха будто кишки перевернулись, и спокойно сказал:

— Запиши, как Чжоу-далан под предлогом сватовства пытался заняться торговлей людьми, но не преуспел, а затем отправил охрану угрожать мне. Пусть они подпишутся.

— Хорошо! — Чжан Чжиюань умел писать складно и чётко, потому сразу же изложил всё без утайки, от начала до конца.

Е Нин добавил:

— Ах да, ещё...

Охранник дёрнулся всем телом:

— Е-ещё?

Е Нин слегка улыбнулся:

— Они вышибли дверь - за это нужно заплатить. Потом сломали ножку стула - тоже нужно заплатить. Всё это впиши туда же и пусть подпишут разом.

Главарь охраны явно чувствовал себя обиженным и, глядя на ножку стула в руках Е Нина, попытался возразить:

— Да ножка стула ведь...

Он не договорил. Е Нин лишь невесомо скользнул по нему взглядом, и в этот миг тот внезапно понял, что значит «обижать слабых и бояться сильных». Прежде охрана семьи Чжоу всегда притесняла тех, кто был мягок и покорен: в их глазах в Цинтянь не существовало никого могущественнее семьи Чжоу, а все прочие деревенские были лишь тихими, забытыми людьми, которых можно было как угодно мять и ломать, не услышав в ответ ни писка. Теперь же... колесо судьбы провернулось.

Чжан Чжиюань кивнул и внёс в текст и дверь, и стул, при этом вслух зачитывая написанное:

— «Охрана семьи Чжоу умышленно повредила одну дверь лапшичной и один стул; обязана возместить ущерб».

Охранники были недовольны, несколько раз раскрывали рты, но слова словно застревали в гортани, будто там сидела колючка: ни выплюнуть, ни проглотить. Оставалось лишь проглотить горечь, как немой, жующий жёлчь.

Когда Чжан Чжиюань дописал, Е Нин велел каждому из охранников поставить отпечаток пальца и спокойно сказал:

— Сегодня я оставил письменные доказательства всех «добрых дел» семьи Чжоу, с вашими личными отпечатками. Передайте своему Чжоу-далану: если он не боится, я возьму эту бумагу и отправлюсь в управу, всё изложу по порядку. С вашими отпечатками вы все будете живыми свидетелями.

Охранники молчали. Тогда Е Нин продолжил:

— А если у Чжоу-далана и в управе есть связи - тоже не беда. Кто же спорит, семья Чжоу богата и влиятельна, а я, Е Нин, всего лишь простой деревенский человек без власти и покровителей. Тогда я перепишу этот документ сто раз, даже тысячу, и развешу по улицам уездного города и провинциальной столицы, чтобы каждый горожанин увидел, что за нравы у семьи Чжоу. Вы ведь свиней разводите? Тогда посмотрим, кто после этого осмелится покупать свиней у вашей семьи.

Любой зажиточный дом дорожит репутацией. Пусть в Цинтянь семья Чжоу и чувствовала себя хозяевами, но стоило выйти за пределы деревни, и они становились всего лишь мелкой сошкой:

над каждой горой есть гора повыше, а за горами ещё горы. Чтобы их свинина хорошо продавалась, и им приходилось кланяться и упрашивать.

Е Нин был совершенно прав: по законам Великой Лян торговля свободными людьми являлась тяжким преступлением, за такое сажали в тюрьму, а в особо серьёзных случаях ссылали. Если же дело получит широкую огласку, для семьи Чжоу это не принесёт ни малейшей выгоды.

Охранники в страхе закивали: с виду нежный, хрупкий гер, а действовал с такой жестокостью и решимостью, что иному мужчине впору бы поучиться.

Е Нин окинул пятерых охранников взглядом и бросил:

— Чего стоите? Хотите остаться поесть лапши?

— Уходим! Уходим! — будто получив помилование, охранники вскочили на ноги. В жизни своей они так быстро не бегали: серыми тенями, поджав хвосты, они рванули прочь, даже не осмелившись оглянуться.

Бах!

Е Нин бросил обломанную ножку стула на землю. Чжан Чжиюань вздрогнул так, что едва не выронил кисть.

— Е Нин... — он смотрел на него с полным недоверием, даже протёр глаза и с запинкой спросил: — Ты... ты правда в порядке? Тебя не ранили?

Е Нин заметил, что двоюродный брат весь в дорожной пыли, вспотевший, а на лбу красуется свежий ушиб. Он понял: этот внезапно свалившийся на него «дешёвый» родственник пусть и простоват, пусть и излишне прямолинеен и книжно-упрям, но сердце у него доброе, человек он надёжный и честный.

Е Нин покачал головой:

— Со мной все в порядке.

Чжан Чжиюань с силой выдохнул, будто только сейчас отпустило. И лишь теперь один из слуг семьи Цзян усмехнулся:

— А ведь Чжан-саньлан так рвался спасать - по дороге, поди, не раз растянулся. Кто бы мог подумать, что Нин-гер окажется таким... решительным.

Когда речь заходила о герах, обычно ограничивались словами вроде «красивый», «плодовитый», в лучшем случае «нежный» и «хрупкий». Никому и в голову не приходило хвалить гера словом «решительный», да ещё с таким весом и смыслом.

Чжан Чжюань хлопнул себя по лбу - только теперь он вспомнил о молодом господине семьи Цзян. Он ведь в спешке притащил его спасать людей, а теперь, выходит, оставил без внимания. Поспешно он сказал:

— Е Нин, это молодой господин семьи Цзян. Я сейчас служу у них, он мой молодой хозяин... Стыдно признаться, когда пришли люди семьи Чжоу, я совсем растерялся и как раз столкнулся с господином Цзяном, вот и попросил его прийти на выручку.

С самого начала и до этого момента молодой господин семьи Цзян так и сидел в паланкине. Плотные шёлковые занавеси тяжело свисали вниз; в тот час не было ни малейшего ветерка, и пологи не шелохнулись, намертво скрывая всё, что находилось внутри.

Е Нин посмотрел на паланкин. Разумеется, он не мог увидеть, высок ли молодой господин или низок, худ или полон, но одну вещь он знал совершенно точно.

В этом паланкине сейчас сидел истинный главный герой этой книги - Цзян Чансинь.

Е Нин попал в эту историю из мира апокалипсиса, и в его памяти хранился общий ход сюжета. Он сам вовсе не был главным персонажем, лишь крошечной фигурой на обочине повествования, тогда как Цзян Чансинь являлся тем, кого с головы до ног окутывал ореол судьбы.

На самом деле Цзян Чансинь не был родным сыном семьи Цзян. Его некогда передал им прежний премьер-министр. Около двадцати лет назад, когда евнухи узурпировали власть, десять придворных кастратов держали всё в своих руках, а император, не имея реальной силы, превратился в послушную марионетку. Чтобы государь не вздумал послушаться, евнухи приказали уничтожить всех принцев.

Младший принц Лян Цэ только-только появился на свет, и евнухи, разумеется, не собирались щадить даже младенца в пелёнках. Прежний премьер-министр стал для них бельмом на глазу. Рискуя жизнью, он вывез маленького принца из дворца и передал его своему другу - ушедшему в отставку и вернувшемуся на родину, старому господину семьи Цзян.

Старый господин семьи Цзян, сопровождая маленького принца, вернулся в Цинтянь - тихое место, похожее на укрытый от мира рай. Очень скоро дошли вести о трагической гибели бывшего премьер-министра; более того, материнский род младшего принца также был уничтожен евнухами, и весь двор окончательно превратился в игрушку в их руках.

Желая уберечь единственную оставшуюся кровь императорского дома, старый господин семьи Цзян оставил ребёнка при себе. Так прошли многие годы. В ту пору, когда младенца тайно

вывезли из столицы, он был ещё в пелёнках и получил тяжёлую травму головы, находясь на грани смерти. Старый господин, используя редчайшие и драгоценные лекарства, с трудом удержал ему жизнь, но никто не ожидал, что, повзрослев, ребёнок превратится в... умственно неполноценного.

Цзян Чансинь жил в тумане, словно ничего не понимал; многие истины были для него недоступны. К тому же с годами власть евнухов лишь крепла, в делах государства так и не появлялось просвета, а сама партия евнухов, желая окончательно успокоиться, повсюду разыскивала уцелевших принцев. Старый господин семьи Цзян не смел открыть Цзян Чансиню правду, опасаясь навлечь на него смертельную беду.

О том, что Цзян Чансинь - единственный законный потомок императорского рода Великой Лян, знал лишь один человек - старый господин семьи Цзян. Даже его собственный сын, номинальный отец Цзян Чансиня, был не в курсе истины. Господин Цзян лишь знал, что отец однажды принёс в дом мальчика; тогда у него с супругой ещё не было детей, и они вырастили этого ребёнка, всегда считая его родным.

Подобная тайна должна была быть известна лишь одному человеку, но Е Нин стал исключением. Он пришёл сюда как сторонний наблюдатель, извне, и потому видел всё ясно и без искажений.

Е Нин с лёгким любопытством взглянул на роскошные носилки. Ему и вправду было интересно, как же выглядит тот самый «дурачок», описанный в книге как несравненно красивый, статный и благородный? Впрочем, это любопытство было мимолётным: как бы он ни выглядел, к нему самому это не имело никакого отношения.

Из вежливости Е Нин сказал:

— Благодарю, молодой господин Цзян.

Пусть Цзян Чансинь фактически ничем не помог и даже не вышел из носилок, но он всё же пришёл с намерением выручить, а за это полагалось поблагодарить.

Е Нин огляделся и добавил:

— Лапшичная у меня убогая, ничем ценным отблагодарить не могу. Если молодой господин Цзян не побрезгует, когда мы тут немного приберёмся, я сварю чашку лапши в знак признательности. Как вам?

Для знатного дома такая чашка лапши была, разумеется, сущей мелочью.

Изнутри паланкина показалась рука с чётко очерченными костяшками; тыльной стороной ладони она слегка приподняла занавесь. Старший слуга тут же наклонился вперёд и поднял

полог - казалось, молодой господин семьи Цзян собирается выйти.

И именно в этот момент...

Сбоку торопливо подбежали несколько нарядно одетых слуг, поспешно поклонились:

— Приветствуем молодого господина! Ай, наконец-то нашли! Старый господин долго не видел, чтобы молодой господин вернулся домой, не знал, что случилось, места себе не находил, так переживал, что велел срочно разыскать и сопроводить вас обратно!

<http://bllate.org/book/15118/1343700>